

Б. Суворин

**За родиной: героическая
эпоха Доброволческой армии,
1917-1918 гг.: впечатления
журналиста**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. Суворин**
За родиной: героическая эпоха Доброволческой армии, 1917-1918 гг.: впечатления журналиста / Б. Суворин – М.: Книга по Требованию, 2022. – 253 с.

ISBN 978-5-517-97600-0

ISBN 978-5-517-97600-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Д В А Б Р И Д Ж А .

Я никогда не был игрокомъ, хотя едва-ли есть игра, въ которую я не играю или не могъ-бы играть, но бриджъ, который обыкновенно заставляетъ меня послѣ трехъ или шести роберовъ зѣвать и искать попутчика въ мѣста, гдѣ не нужно думать о тузахъ, короляхъ, дамахъ и валетахъ, объ онерахъ и „безъ-козырей“, всетакъ сыгралъ въ моей жизни удивительную роль.

Дважды случайно въ бриджъ я поставилъ свою жизнь и оба раза случайно выигралъ.

17-го ноября (1-го декабря) 1917 года вечеромъ меня посѣтилъ Г. Щетининъ, который предложилъ мнѣ отъ имени Генерала Алексѣева, который уже былъ на Дону, пріѣхать къ нему въ Ростовъ на Дону и тамъ стать во главѣ большой антибольшевистской газеты.

Наши газеты и „Новое Время“ и „Вечернее Время“ были уже закрыты большевиками. Я не принималъ участія въ искусственныхъ образованіяхъ, названныхъ „Утро“ и „Вечеръ“, которыя должны были замѣнить дорогія для меня названія. Большевики меня какъ-то забыли, и я не торопился уѣзжать. Тогда у насъ царилъ увѣренность въ

томъ. что власть Ленина и Бронштейна совершенно наносное и не длительное явленіе.

Глубоко чтя нашего великаго мудреца ген Алексѣева, гордый его выборомъ, я немедленно согласился. Мы уже стояли въ передней. прощаясь, когда зазвонилъ телефонъ.

„Типографія захвачена большевиками, газеты больше не выйдутъ.“ говорилъ чей-то взволнованный голосъ.

Надо было выяснитъ положеніе, и я спѣшно покинулъ свой „home“, что-бы больше никогда къ нему не возвращаться.

Тогда я и не думалъ о такой возможности. Я просто ѣхалъ къ нашему управляющему А. И. Грамматикову, къ которому я былъ кстати приглашенъ на бриджъ, чтобы посовѣтоваться, что намъ дѣлать и передать ему извѣстіе о моемъ отъѣздѣ. Я и онъ фактически стояли тогда во главѣ всего нашего огромнаго дѣла, съ такой любовью разрушеннаго впослѣдствіи большевиками.

Мой извозчикъ Иванъ, съ которымъ я не разставался почти двадцать лѣтъ, величайшій и скрытнѣйшій изъ всѣхъ моихъ повѣренныхъ, ждалъ меня. Дорога была прекрасная. Было холодно и сибѣжно.

Мелкой въ три ноги — такая у Ивана была повадка — шла некрупная кобылка. Покачивался на облучкѣ на тугихъ возжахъ мой Иванъ, котораго я больше не видалъ съ этой памятной ночи. По пустой Сергіевской, обрамленной особняками, по прекрасной, несравненной набережной вдоль мощной, даже скованной, Невы, мы проѣхали съ нимъ черезъ Троицкій мостъ и очутились, минуя нашъ кусочекъ „Champs-Elysées“, какъ я его называлъ на Каменноостровскомъ проспектѣ.

Мой другъ былъ человѣкомъ большой рѣшимости и немедленно поѣхалъ въ пастъ лѣву въ Смольный, гдѣ засѣдали наши новые владыки, за объясненіями, а мы сѣли играть въ бриджъ.

Прошло часа два пока Грамматиковъ не вернулся и не выяснилъ мнѣ, что дѣйствительно наша типографія и дома захвачены, и мы должны быть арестованными. Онъ самъ видѣлъ бумажку о своемъ арестѣ, но съ презрѣніемъ заявилъ малограмотному солдату, что онъ самъ приѣхалъ въ Смольный по важнымъ дѣламъ и что не о чемъ приставать къ нему съ пустяками. Солдаты, самъ не вѣря еще своей власти, подчинился и Саша, какъ звали мы его, спокойно вернулся къ намъ.

Но было уже поздно. Надо было или ѣхать домой, или оставаться ночевать у гостепріимнаго хозяина. Это было не новостью съ порядками нашей „Великой безкровной Революціи“, выкинувшей намъ Керенскаго, и черезъ неполныхъ девять мѣсяцевъ разрѣшившейся близнецами Ленинымъ и Бронштейномъ.

Саша уговаривалъ меня остаться, но я рѣшилъ такъ. Если Иванъ меня ждетъ, я ѣду домой, если-же нѣтъ, я остаюсь.

Въ той игрѣ случайностей, въ которую ввязалась моя жизнь, судьба захотѣла, чтобы мнѣ повезло, и мой милый Иванъ, не стерпѣвъ мороза, уѣхалъ къ себѣ, чтобы на другой день подать мнѣ на мою Кирочную № 40.

Гдѣ ты, мой милый, хорошій Иванъ, со своимъ незыблемымъ спокойнымъ красивымъ русскимъ лицомъ? А снѣ былъ Эстонцемъ!

Утромъ въ 7 часовъ меня разбудилъ мой секретарь. У меня былъ обыскъ. Меня ночью приходили аресто-

вать матросы, какъ называли ихъ Бронштинъ краса и гордость русской революціи, за то, что они разстрѣливали своихъ беззащитныхъ офицеровъ. Домъ мой оцѣпленъ.

„Ce l'ais char'e belle,“ какъ говорятъ французы. Мой первый бриджъ съ большевиками былъ выигранъ.

Оставаться дальше у Грамматикова нельзя было и я, не скажу, чтобы вполне спокойно, пѣшкомъ прошелъ къ одному вѣрному другу, котораго, какъ и многихъ другихъ изъ уваженія къ юстиціи товарищей, я не назову.

Черезъ дней пять я уже былъ въ Москвѣ, гдѣ долженъ былъ ждать дальнѣйшихъ указаній отъ нашей южной организаціи. За это время мои большевистскіе коллеги „распечатали“ объявленія о томъ, что я арестованъ и посаженъ въ тюрьму-Кресты.

Никогда на моей памяти журналиста эта утка не показалась мнѣ такой подходящей къ моему положенію и поэтому товарищи, слѣпо вѣрившіе въ свою печать, бросили искать меня и мнѣ не надо было скрываться.

Да, кромѣ того, какой я конспираторъ! Я жилъ въ Москвѣ болѣе или менѣе открыто и только перешелъ отъ общей залы любимаго ресторана въ кабинетъ и то подъ угрозой метр-д-отеля не дать мнѣ вина, если я не подчинюсь его требованію.

„Je m'inclinais“.

Вотъ тутъ-то въ Москвѣ я увидалъ то удивительное честное отношеніе, которое Claude Fauergé такъ очаровательно описалъ въ своихъ „Pelites alliées“, Я спокойно жилъ, а когда мнѣ неожиданно по приказу съ Дону пришлось уѣхать, не простившись

съ милой хозяйкой моего гостепріимнаго крова, я нашель свой чемоданъ, полный закусокъ, пироговъ и вина. Мой поѣздъ былъ послѣднимъ, выходящимъ въ Ростовъ на Дону съ вагономъ Международнаго Общества.

Неувѣренная въ себѣ, выкатившая съ Кавказскаго фронта чудо-дезертировъ, Совдепія не рѣшалась еще рѣзко порвать съ Донскими казаками, а слова „Internationale“ дѣйствовали магически на разнузданную толпу, убѣжденную въ томъ, что въ этомъ международномъ вагонѣ и ѣздитъ тотъ „Интернаціональ“, которому теперь поцѣловали руку европейскіе коммунисты! О эти talons rouges, какъ похожи вы, на эту отвратительную дикую толпу, пугавшуюся словъ „Интернаціональный вагонъ“.

Однако и среди этихъ, потерявшихъ обликъ воинскій и человѣческій людей, нашелся одинъ молодой вольноопредѣляющійся еврей, комиссаръ, ѣхавшій на Кавказъ въ Баку. Онъ ворвался въ нашъ вагонъ и очутился въ нашемъ купѣ. Насъ стало четверо. Одинъ офицеръ, я, одинъ изъ служившихъ въ нашей типографіи и большевикъ. Я ѣхаль съ документами метранпажа и ни въ чемъ, казалось мнѣ, не возбудилъ подозрѣнія своего опаснаго сосѣда. Однажды только онъ удивился тому, что я былъ въ Америкѣ, но, будучи увѣренъ въ его неопытности я легко убѣдилъ его въ томъ, что метранпажъ это должность фактическаго помощника управляющаго типографіей, и я былъ посланъ туда за машинами. Я немедленно открылъ свои запасы яствъ и напитковъ представителю новой власти, который снизошелъ до нихъ.

Въ одномъ изъ сосѣднихъ купѣ ѣхали два моихъ знакомыхъ, оба съ сіятельными именами. Какимъ-

то образомъ у нихъ бумаги были въ порядкѣ и они не вызывали подозрѣнія у большевиковъ.

Мы уже проѣхали почти все опасныя мѣста. Оставалась узловая станція Лиски. Слѣдующая станція нѣкотораго значенія Чертково, какъ извѣстно было мнѣ, была въ рукахъ казаковъ. Между ними было нѣчто вродѣ нейтральной зоны. Мой комиссаръ объ этомъ ничего не зналъ и твердо былъ увѣренъ, что и Ростовъ и Новочеркасскъ уже находятся въ рукахъ большевиковъ. Я не разубѣждалъ его въ этомъ заблужденіи.

И вотъ, не доѣзжая Лиски, Кн. О. предложилъ мнѣ сыграть съ нимъ и съ Гр. Г. въ бриджъ. Нашъ комиссаръ просилъ разрѣшенія посмотрѣть на игру. Мы конечно согласились. Мои партнеры были предупреждены, что моя фамилія вовсе не Суворинъ а Мякинъ, и мы сѣли играть.

Это былъ мой второй бриджъ съ большевиками. О. вель счетъ и послѣ перваго робера выяснилось, что я выигралъ.

„О. проигралъ 3,“ — заявилъ онъ, „Г. проигралъ, а Суворинъ выигралъ...“ и онъ остановился.

„Одиннадцать“, пришлось мнѣ сказать, и я не помню, прибавилъ-ли я ему нѣсколько пожеланій.

Мой комиссаръ обвелъ всехъ удивленными глазами и вышелъ. Думать оставалось очень мало времени. Мы подходили къ Лискамъ, какъ и все станціи запруженной „усталыми“ солдатами, которые теперь четыре года борются съ „контръ-революціей“ подъ флагомъ Бронштейна. Надо было принимать какое-нибудь рѣшеніе. Я рѣшился взять быка за рога и подошелъ къ моему комиссару.

„Да, дѣйствительно я Суворинъ“, сказалъ я ему, „но прошу Васъ меня не выдавать“.

На чемъ я основывалъ свою просьбу, я не зналъ, я говорилъ о томъ, что я даромъ не дамся, что вообще не нужно выдавать людей, вообще что-то говорилъ несуразное.

„Но вѣдь писали, что вы арестованы,“ сказалъ онъ мнѣ нѣсколько растерянный.

„Мало-ли что пишутъ въ газетахъ“, отвѣтилъ я. „Но я прошу Васъ меня не выдавать“.

Онъ вдругъ завернулся въ тогу благородства и весьма высокомерно заявилъ мнѣ, что хотя я его политическій врагъ, но онъ никогда не занимался доносами и т. д.

Въ это время мы подъѣзжали къ Лискамаъ. Я ушелъ въ свое купэ, обдумывая свое дурацкое положеніе, въ которое поставилъ меня О. Комиссаръ ушелъ на станцію. Я не помню, сколько времени стояли мы въ Лискамаъ, но знаю, что эта остановка была для меня ужасно тяжелая. Быть въ нѣсколькихъ часахъ отъ „предѣловъ досягаемости“ и вдругъ изъ за какого-то бриджа рисковать жизнью. У О. была старая польская водка и мы съ помощью закуски нашей „petitealliee“ стали ее уничтожать. Но вотъ вдругъ явился комиссаръ съ бутылкой молока и бубликами. Мы не сразу повѣрили ему, но тутъ прозвучали звонки и мы тронулись.

Мы стали чествовать нашего комиссара. Чувство прошедшей опасности подняло настроеніе и на перебой старались мы напоить большевика. Это было не трудно. Онъ былъ изъ слабенькихъ еврейчиковъ, а „старая водка“ О. была очень жестокая. Вскорѣ мы уложили его спать и, выпивъ нѣсколько стакановъ за мое избавленіе отъ опасности, поругавъ О. за его ненужную откровенность, мы тоже отошли ко сну.

*

*

Рано утромъ мы были въ Чертковѣ. Когда и взглянулъ въ окно, я увидѣлъ браваго казанскаго вахмистра съ чубомъ, съ фуражкой на ухѣ и съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. Я все понялъ.

Мы были внѣ сферы досягаемости.

Быстро я досталъ изъ сапога свои настоящіе документы и бросился въ корридоръ. Въ это время меня кто-то тронулъ за плечо.

Сзади меня стоялъ блѣдный комиссаръ. Онъ былъ въ погонахъ старшаго унтеръ-офицера. Онъ былъ такъ несчастень и блѣдень, что ему многого не пришлось мнѣ говорить, и я увѣрилъ его, что мы его не выдадимъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ могъ выбросить меня на растерзаніе солдатской черни, теперь онъ былъ въ моихъ рукахъ.

Моя біографія двигалась съ безсмысленной быстротой и непослѣдовательностью кино-фелъетона.

Мой второй бриджъ былъ вновь выигранъ. Оба раза, въ лучшемъ случаѣ, тюрьма была совсѣмъ близко, въ первый разъ бриджъ меня спасъ, во второмъ чуть чуть не погубилъ, но всетаки я его выигралъ. Вотъ тутъ и дѣлайте выводы: надо или не надо играть въ бриджъ?

Комиссару я предложилъ вернуться къ большевикамъ въ Царцинь, не желая его пускать въ маленькій Новочеркасскъ. Онъ съ радостью меня послушался.

Поздно ночью мы шли въ гору Новочеркасска, и я проснулся на другой день въ Арміи, съ которой мнѣ не пришлось расставаться почти до самаго конца ея существованія на Югѣ Россіи.

II.

РОЖДЕНІЕ АРМІИ.

Новочеркасскъ, столица Дона, построень на высокой горѣ, увѣчанной прекраснымъ златоглавымъ соборомъ. Говорятъ, что какой-то ревнивый атаманъ построилъ здѣсь свой городъ, чтобы лучше охранить свою возлюбленную. Казаки любятъ поэтическія легенды, и пѣсни ихъ, всегда почти связанныя съ войной, полны удивительной поэзіи и какой-то полу-военной, полу-любовной музыкальности.

Этотъ казачій городъ былъ воспріемникомъ Добровольческой Арміи. Всѣ, кто причастился этому великому движенію, кто попалъ въ первые дни ея существованія, помнятъ небольшое, совершенно заполненное помѣщеніе на Барочной ул. 26, гдѣ была главная квартира ея основателя ген. Алексѣева.

Генераль Алексѣевъ, бывший начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, находился въ Петроградѣ во время возстанія большевиковъ, въ концѣ октября. Онъ былъ призванъ изъ Смоленска, гдѣ онъ отдыхалъ среди своей семьи послѣ тяжелыхъ трехъ лѣтъ войны и почти года нравственныхъ страданій, которыя принесла ему революція, какъ и всѣмъ честнымъ военнымъ, не собиравшимся дѣ-

латъ себѣ карьеры на демагогіи и заигрываніи съ солдатской чернью.

Благодаря настойчивости генерала М. В. Алексѣева, изъ Бердичева, гдѣ былъ заточенъ Керенскимъ ген. А. И. Деникинъ, удалось перевести ген. Деникина въ Быховъ (Могилевскій), гдѣ содержался подъ стражей другой герой нашей Арміи — ген. Корниловъ.

Чтобы ни говорили наши социалисты, факты всегда останутся фактами, и они принуждены будутъ признать когда-нибудь, что лучшіе русскіе люди не могли служить при нихъ и что лучшихъ генераловъ они просто сажали въ тюрьму. Народный социалистъ Иорданскій держалъ генерала Деникина въ Бердичевѣ и заставилъ его подвергаться оскорбленіямъ и смертельнымъ угрозамъ со стороны грязной разнузданной толпы, среди которой торжествовалъ этотъ комиссаръ.

Честная русская печать, благодаря ген. Алексѣеву, заставила Керенскаго и его социалистическое правительство перевести ген. Деникина въ Быховъ, что способствовало впоследствии его бѣгству въ Добровольческую Армію. Останся онъ въ Бердичевскомъ застѣнкѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ погибъ бы жертвой этой черни, на которую опирались въ мечтахъ Керенскій и его клика. У меня лично есть основаніе предполагать, что въ дѣлѣ перевода ген. Деникина въ Быховъ нѣкоторую благопріятную роль сыграли союзныя миссіи.

Ген. Алексѣевъ пріѣхалъ въ Петроградъ вслѣдствіи приглашенія отъ Арміи участвовать въ предварительномъ собраніи (что то въ родѣ репетиціи Учредительнаго собранія), въ такъ называемомъ предъпарламентѣ. Въ тоже время съ кружкомъ вѣрныхъ